

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20220209
УДК 94:322(571.5)"1951"

¹А.В. КОСТРОВ, ²С.В. БУРАЕВА

ТРИ ВЗГЛЯДА НА «РАЗОРЕНИЕ» СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ДУБЧЕССКИХ СКИТОВ В 1951 г.

¹Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

²Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
РФ, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

Старообрядцы подвергались гонениям не только в имперский, но и в советский период. «Разорение» одного из духовных центров часовенного согласия – Дубчесских обителей – в Енисейской Сибири (представляющего собой сеть удаленных таежных монастырей) произошло в 1951 г. Это событие нашло отражение как в культуре часовенного согласия, так и во внешних рефлексиях. Цель публикации – дать историографический анализ указанных исторических свидетельств. Авторы рассмотрели восприятие данного события самими старообрядцами, что было запечатлено в их прозе и поэзии, изобразительном искусстве, индивидуальной и коллективной памяти. Вместе с тем освещена позиция репрессирующей стороны, в том числе участников операции; проанализированы взгляды светских писателей, обращавшихся к этой теме (А.И. Солженицына и М.С. Перевозчикова). В результате выявлена специфика источников, формирующих историческую память о событии, а также ее отдельные стереотипы, оказывающие влияние на экспертное и общественное мнение.

Ключевые слова: старообрядчество; часовенное согласие, Енисейская Сибирь; Дубчесские скиты, «разорение», погром 1951 г., историческая память, историография.

¹A.V. KOSTROV, ²S.V. BURAEVA

THREE VIEWS ON THE «DEVASTATION» OF THE OLD BELIEVERS' DUBCHESKY SKETES IN 1951

¹Irkutsk State University,
1, K. Marx str., Irkutsk, 664003, Russian Federation

²Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS,
6, Sakhyanova str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

Old Believers were persecuted both in the Soviet and Imperial periods. Therefore, traditional distancing of this broad movement's followers from the authorities has long internal and external reasons. The chapel consent representatives form the most striking and massive group that pre-

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», № 121031000263-3).

The research was carried out within the state assignment (project «The Writing Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia», № 121031000263-3).

Александр Валерьевич Костров – д-р ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, e-mail: a_kostrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5274-5424>.

Светлана Валерьевна Буреава – д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: ladys@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4184-3066>.

Alexander V. Kostrov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University.

Svetlana V. Buraeva – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Center for Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

served both the Old Orthodox rite and classical Old Believer attitudes of worldview and practice. Members of this group are mainly settled from the Urals to the Far East, and from Argentina to Alaska. However, the spiritual center of this Old Believer church is located in Yenisei Siberia and presented by a network of remote taiga monasteries.

They were brought here from Western Siberia between 1917 and 1940, and made up three skete groups – Verkhovsk (located in Tuva), Bezymyansky and Dubchessky (located in the west and north of Krasnoyarsk Region). Due to the Tuvan People's Republic entering the Soviet state after the anti-religious struggle peak and against the background of indulgent confessional policy in wartime, the Verkhovsk sketes were not subjected to a total pogrom. This fact allowed N.N. Pokrovsky and other Novosibirsk scientists in the 1960s to make the famous “archaeographic discovery” of Siberia just there. Dubchessky monasteries had a different fate: they were devastated in 1951, which was similar to the pogroms of the skete centers undertaken by the authorities during the Imperial period. This dramatic plot was reflected in both the historical memory, culture of chapel harmony, and external reflections. This research gives the analysis and comparison of different views on this pogrom history. First, this is the perception of the Old Believers themselves embodied in their prose and poetry, visual arts, individual and collective memory. Second, the view of the repressive side including the operation participants, whose letters are at the disposal of scientists. Third, the view of secular writers turned to this story – A.I. Solzhenitsyn and M.S. Perevozchikov. The study concludes with the analysis of stereotypes created by these sources and influencing expert and public opinion.

Key words: *Old Belief, Chasovennoe consent, Yenisei Siberia, Dubchessky sketes, pogrom of 1951, historical memory, historiography.*

ВВЕДЕНИЕ

Историческая память является одной из важнейших основ общественного сознания. Большие и малые социальные общности развивают свою историософию, опирающуюся на разные источники. В качестве последних могут выступать устная традиция, литература, публицистика, историография, вещественные и визуальные материалы и др. Характер и соотношение этих источников у конкретных групп имеют свою специфику, что связано с их целями и особенностями культуры. Причем драматические страницы истории играют особую роль, так как заставляют остро переживать общие и объединяющие сюжеты. Это актуализирует интегративные связи в мировоззрении и практике.

История старообрядчества полна драматизма. С момента начала строительства Российской империи в середине XVII в. (реформа церкви была одним из первых актов этого процесса) и на протяжении трех с половиной веков по отношению к староверам применялись репрессии. Если другие этноконфессиональные группы населения такой прессинг испытывают только в советский период, то для староверов данная система отношений задолго до этого стала привычной (но не менее драматичной) моделью отношений с властями. Тысячи «раскольников», как тогда называли староверов представители официальных государства и церкви, трудились и гибли на «великих стройках» второй половины XVII – XVIII вв. В дальнейшем они оставались гонимой и ограничиваемой группой, и только при вступлении империи в революционный период им были дарованы гражданские права. Одним из направлений репрессивной политики стало разорение скитов как монастырских духовных центров, играющих важную роль в жизни старообрядческих согласий. В советский период эта политика была поднята на новый уровень.

В 2021 г. исполнилось 70 лет со дня известного погрома Дубчесских обителей часовенного согласия. Этот акт, произошедший в 1951 г. на севере Красно-

ярского края, описан в старообрядческой [Духовная литература ... 1999; Урало-Сибирский патерик, 2014], художественной [Солженицын, 1991; Перевозчиков, 1991] и научной [Покровский, 1991; Покровский, Зольникова, 2002] литературе. Обладая этими и другими (устными и эпистолярными) источниками, мы ставим своей задачей их сравнение с целью выявления степени их влияния на формирование существующих стереотипов.

ВЗГЛЯДЫ ЧАСОВЕННЫХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Погром 1951 г. является ключевым негативным событием в исторической памяти часовенных о XX в. Он стал шоком и заслонил более ранние сюжеты подобного плана (так же как у других групп издержки советской модернизации заслонили издержки модернизаций имперских), что нашло отражение в их изобразительном искусстве, поэзии и прозе. В качестве примеров первого можно упомянуть настенный лист «Выпуск плота», найденный Т.Б. Моррис у орегонских старообрядцев и опубликованный нами [Костров, 2021], а также картину «Вечно гонимые. Трагический март – 51 г.», найденную и опубликованную Е.В. Быковой [2020]. Оба произведения созданы в скитах и живописуют процесс разорения обителей и вывоза их насельников. На настенном листе, помимо цветного акварельного изображения подконвойного вывоза отца Симеона с братией из разгромленных обителей, содержится пространственный поэтический текст «О горести души» («По Божию велению за грехи моя...»). Это и другие стихотворные произведения, посвященные драматическому сюжету, также встречались нами в рукописном сборнике, воспроизведенном с помощью множительной техники, причем именно указанный стих был подписан как «Слезный 1951 год» (Материалы летней экспедиции 2018 г., Красноярский край). Другие, более известные стихи, посвященные этой странице истории, были опубликованы новосибирскими археографами. В частности, в составе «Берестяной книги» изданы «Стихосложе-

ние чернеца Виталия» («Множество грехов моих воспрещает, Болезнь же сердечная поочряет ...»), «Повесть о разорении многотрудных северных скитов составлена братом Макарием» («Пустынюшка родная, Остаешься ты пустая ...») и «Сочинение грешного Афанасия о разорении и изгнании отцов» («Сяду один наедине, Плач воздвигну в тишине ...») и «Настало время искушения, Какого я не чаял ...») [Духовная литература ..., 1999, с. 306–316].

Большая часть этих произведений отражает эмоциональное восприятие пережитой драмы и достаточно мало акцентирует внимание на конкретных подробностях. Скорее всего авторы исходили из того, что те, кто будет их читать, и без того знают эти произведения. Конкретные примеры поведения представителей власти по отношению к задержанным приведены в «Стихосложении чернеца Виталия»:

Они кельи окружили и пытали тут отцов.
Овых лестными словами,
Что свободой одарят,
Овых палками, ремнями,
Да всю правду говорят.
Старших крепко добивались
И где живут отцы еще,
Что палки, треская, ломались
О братское плече.

[Духовная литература ..., 1999, с. 306].

То есть слово «пытали» употреблено не только в значении допроса, оно указывает и на пытки (в смысле истязания). Эта информация приводится и в «Сочинении грешного Афанасия о разорении и изгнании отцов»:

Иконы, книги сожигают,
А с самих иконы и мантии срываю.
Пытки с палкой представляли,
Да чтоб мы друг друга выявляли.

[Духовная литература ..., 1999, с. 310].

Гораздо больше информации содержится в прозе часовенных. Так, в 38-й главе Урало-Сибирского патерика, написанной старообрядческим писателем Иероном Алексеевичем в 1958 г., эта история освещается по прошествии относительно небольшого времени [Урало-Сибирский патерик, 2014, с. 85–93]. Ее автор сообщает о «безбожном отряде» в 22 чел. (вместе с привлеченными и арестованными по пути насчитывалось до 40 чел.), «главарями» которого были «Щербин, и Валов, и обыскатель народа и вещей лютый безбожный тиран Сафронов, и слово-испытатель Соколов» (с. 91). Этим отрядом было арестовано около 60 обитателей скитов (известно о 14 мужчинах и 41 женщине), а сами монастыри уничтожены. Помимо сожжения святых описываются побои арестантов и мародерство (с. 86–88). В результате 25 скитников, а также 8 «христороубцев», помогавших им, предстали перед судом и были осуждены.

Другим сочинением, содержащим информацию о произошедшем, стала «История о Дупческом ските» Афанасия Герасимовича Мурачева, опубликованная по его рукописи 1990 г. [Духовная литература ..., 1999, с. 272–289]. При этом одна часть данного произведения написана на основе личных впечатлений и воспоминаний автора (с. 272–282), а другая – на основе рассказов очевидцев (с. 282–289). Мы, имея опыт общения с двумя свидетельницами этой истории (одна из них уже в возрасте вернулась в скит, а другая живет в миру), можем отметить, что в основном они подтверждают написанное известным автором. Но имеются некоторые расхождения. Так, пожилая информантка, прожившая в скитах 12 лет до их погрома и обладающая хорошей памятью, сообщила, что не видела пыток или чтобы кого-нибудь связывали. Также она подтвердила, что около половины арестованных были отпущены уже в Ворогово после того, как задержанных вывезли из тайги (Материалы осенней экспедиции 2018 г. и зимней экспедиции 2020 г., Республика Тыва).

Помимо освещения общего хода погрома шести таежных обителей в «Истории о Дупческом ските» также приведены свидетельства преступного поведения нескольких офицеров отряда (например, «начальника Сафронова»), которые издевались над заключенными, применяли побои и пытки. Все это нарушало советское законодательство, но политическая интерпретация подобных мер в виде «партийного понимания» и чувство безнаказанности у силовиков вели к подобным негативным проявлениям человеческого фактора. Под влиянием той же политической конъюнктуры 33 арестованных были осуждены по 58-й статье за «антисоветскую агитацию» и создание «нелегального антисоветского формирования» на сроки от 10 до 25 лет (двое из них умерли в лагерях). Может быть, на фоне атмосферы той сложной эпохи у представителей судебных органов нашлись аргументы, позволявшие представить скиты как незарегистрированную (а значит, нелегальную) оппозиционную (не поддерживающую советскую власть) структуру (организацию), а систему и содержание ее информационных связей – как антисоветскую агитацию. Но какова реальная социальная и политическая опасность, исходившая от монастырей, удаленных и скрытых не только от власти, но и вообще от всего внешнего мира? Очевидно, что никакая, и это позже подтвердит и сама власть, которая не только амнистирует пострадавших от погрома, но и реабилитирует их. Скиты же не только восстановятся, но и расширятся (в частности, появятся новые на реках Бирюсе и Чуне), а имена тех, кто злоупотреблял ситуацией и властью, станут известными и опозоренными.

Для старообрядческого взгляда на эту историю характерно то, что она осознается как относительно

недавняя и в силу этого остро воспринимаемая драма в цепи гонений на христиан с целью лишения их духовного центра. Поэтому историю погрома в той или иной мере знает большинство часовенных, для которых она не теряет своей актуальности по сей день и которые в ее реконструкции опираются на живую память, изобразительное искусство и литературу.

ВЗГЛЯД УЧАСТНИКОВ ОПЕРАЦИИ

Восприятие произошедшего со стороны участников команды, проводившей погром и аресты, узнать достаточно сложно. Это связано с тем, что они были на службе, выполняли приказы и действовали в рамках корпоративных правил поведения того времени. Поэтому кроме судебно-следственного дела, изученного нашими предшественниками (Н.Н. Покровским, Н.Д. Зольниковой, М.С. Перевозчиковым и др.), данная история не предполагала возникновения источников с этой стороны. Однако благодаря исследовательской деятельности М.С. Перевозчикова в его распоряжении оказались письма участников той команды, половина из которых была солдатами, а другая – оперативниками. Эта переписка была использована им при создании книги «Староверы» [Перевозчиков, 1991] и сейчас хранится в его фонде в Красноярском литературном музее им. В.П. Астафьева. И если тексты писем солдата М.В. Макарова писатель опубликовал, то письмо шифровальщика В.В. Гусева осталось не изданным. Приведем несколько фрагментов из него. «Наша часть принадлежала к роду войск МГБ. Я выполнял как солдат все обязанности, которые обязан выполнять солдат, куда пошлют, что прикажет делать командир». И далее он последовательно отвечает на вопросы, заданные писателем. Из них следует, что, в отличие от «оперативников», солдаты (которых вместе с командиром было 16 чел.) несли все тяготы похода, спали вместе с «лесными людьми» «на нарах без матрасов на сене». При этом «стариков работать никто не заставлял, кресты с них не срывали, я этого не видел. Работали тогда, когда делали плоты. Когда уходили, действительно сжигали иконы и книги, а допрашивали их без нашего присутствия» (Красноярский литературный музей. Фонд М.С. Перевозчикова: Письма. Письмо В.В. Гусева от 26.11.1990). Понятно, что в кратких ответах бывший солдат не раскрывает всех обстоятельств и в большей мере рассказывает о формальной стороне дела. Так же поступает и М.В. Макаров, который в более пространный эпистолярный рассказ этой трехмесячной истории (путь на Дубчес через тайгу на лыжах в течение 18 суток, погром, сплав до Енисея) дает гораздо больше интересных подробностей, но также обходит все сложные вопросы, связанные с нарушением прав задержанных. При этом от-

носительно ровное отношение солдат (в отличие от допрашивающих офицеров) отмечал и А.Г. Мурачев. Понятно, что и офицер, у которого М.С. Перевозчиков взял интервью, не стал сообщать подробностей своей деятельности в рамках проведения той операции. Подобная индивидуальная и групповая цензура естественным образом выдает свою версию событий, заметно отличающуюся от версии тех, по отношению к кому осуществлялись действия.

ВЗГЛЯД ПИСАТЕЛЕЙ

В отличие от ученого, задачей которого является реконструкция объективной реальности, основная задача писателя – воплощение художественного образа. В качестве материала для последнего могут использоваться исторические данные, но писатель не обладает научной методологией и волен обращаться с ними как угодно, точнее, как требуют законы жанра, авторская задумка, драматургия сюжетной линии, групповые или темпоральные рефлексии и др. И все-таки, если литератор всерьез ставит перед собой задачу исследовать, то у него может получиться ценное художественное произведение на историческую тему. Применительно к нашему сюжету имеются два принципиально отличающихся, но связанных автора и произведения: имеются в виду А.И. Солженицын и М.С. Перевозчиков. Первый известен как создатель художественной публицистики, прежде всего основанной на устных источниках (многомерном лагерном нарративе и фольклоре) и презентующей реальные, мифологические и вымышленные авторские сюжеты как отражение исторического процесса. Так, в его известном романе «Архипелаг ГУЛАГ» имеются некоторые отсылки к теме погрома скитов. В частности, он описывает, как в 1950 г. на Подкаменной Тунгуске были обнаружены скрытые поселения «яруевских старообрядцев», которые через полгода были погромлены властями, а их жители осуждены по 58-й статье. При этом он описывает их как крестьян, которые сбежали в тайгу от коллективизации. Далее он пишет: «А в 1946 году еще других староверов, из какого-то забытого глухого монастыря, выбитых штурмом нашими доблестными войсками (уже с минами, уже с опытом Отечественной войны), сплавляли на плотках по Енисею» [Солженицын, 1991, с. 248]. Уже М.С. Перевозчиков указывал, что «Яруев» – это Ярцево, и соответственно описывается не Нижняя Тунгуска, а история, разворачивающаяся в районе р. Дубчес и Дубчесских обитателей [Перевозчиков, 1991, с. 16]. Более того, полагаем, что это два описания одного сюжета, один из которых обозначен как крестьянский, а другой – как монастырский. При чем литературная гипербола в описании «штурма» впечатляет размахом авторского вымысла. В ходе Ве-

ликой Отечественной войны был накоплен богатейший опыт прифронтовых и тыловых операций, а также операций послевоенного периода против разного рода вооруженных отрядов на бывшей оккупированной территории. Тем не менее, не зная или игнорируя этот опыт, автор пишет об использовании минометов при действиях сил даже не армии, а «МВД» (как известно, на самом деле операцию проводило МГБ) против гражданского населения в таежной местности. Миномет в этих условиях заметно ограничивает мобильность группы, а также не дает преимуществ в условиях густого леса. Даже наличие ручного пулемета, упоминаемого А.Г. Мурачевым, в этих условиях выглядит избыточным и скорее всего было вызвано перестраховкой организаторов акции, которые не обладали полной информацией о скитах. Так или иначе, но литературное творчество А.И. Солженицына создало мощный оценочный фон развития светской художественной, да и научной литературы по теме.

Другой, более обоснованный, подход характеризует М.С. Перевозчикова. В отличие от предыдущего автора, он работал с документами, ездил по региону, знакомился и общался с теми людьми, которые были участниками указанных событий, вступал с ними в переписку. Достаточно большую часть его книги «Староверы» [Перевозчиков, 1991] занимают фрагменты собранных им таким образом источников. Помимо архивных документов писатель привлек письма и интервью участников операции, а также старообрядцев – в частности, А.Г. Мурачева. Это делает его произведение очень ценным.

Несмотря на обстоятельность подхода и тщательность изложения, книга М.С. Перевозчикова испытала на себе влияние своей эпохи создания и мнений ее лидеров, в частности А.И. Солженицына и развиваемой им традиции литературного демонизирования советской пенитенциарной системы. Поэтому М.С. Перевозчиков вслед за «учителем эпохи», но более осторожно, допускает реальность мифа об использовании тяжелого вооружения при погроме, а также однозначно негативно маркирует представителей власти уходящей эпохи. Показателен в данном случае сюжет, описанный им на одной из страниц его труда [Перевозчиков, 1991, с. 11]. Вспоминая о детстве, он пишет, как однажды от конвоируемого этапа заключенных один из них побегал в его сторону, но охранник, который сначала бежал и требовал остановиться, все-таки догнал и заколол арестанта штыком. При этом действия конвойного преподносятся в негативном свете. Попробуем посмотреть на эту историю не с точки зрения перестроечного интеллигента, а с позиции охранника. При попытке побега (в данном случае «на рывок») он должен был стрелять. Не исключено, что именно поэтому арестант бежал по на-

правлению к ребенку, понимая, что это свяжет руки конвойному, который требовал остановиться. Более того, никто не знает, о чем думал бежавший и что он мог сделать по отношению к ребенку (напомним, большая часть сидевших в лагерях не была «политической»). Поэтому солдат догнал и заколол его. Можно предположить, что этим он спас ребенка, которого могли взять в заложники и использовать как живой щит. Но в конце 1980-х – начале 1990-х гг. этот факт однозначно воспринимался иначе.

Подобная литературная оценочность и гротеск будут иметь продолжение. Так, в справочных текстах, вышедших позже, можно увидеть версию о том, что сотрудники органов были высажены с вертолетов (сайт Толкователь, статья «Разгром старообрядческих скитов в Дубчесе в 1951 г.»)¹, а также о том, что большинство «скитов было уничтожено войсками МВД с применением авиации, минометов и т. п.» [Вурфгарт, Ушаков, 1996, с. 304]. Однако информации о минометах нет ни в одном источнике, об этом написано только в романе А.И. Солженицына. То же самое касается и грозно звучащего «с применением авиации». Как известно из наследия А.Г. Мурачева, гидросамолет использовали метеорологи, которые высаживались на озере в 30 км от скитов в 1949 г. (вероятнее всего, они и доложили о таежных обитателях властям). Группа же МГБ, согласно имеющейся переписке ее солдат и М.С. Перевозчикова, силами активно развивающейся тогда малой авиации (позже ее основу назовут «кукурузником») была доставлена только до Ворогово на Енисее, а далее две с половиной недели шла до скитов по тайге. Развитие подобных мифологем в современном информационном пространстве не говорит о том, что авторы стремятся ввести кого-либо в заблуждение, это, скорее, отражение глубоко болезненного отношения к такого рода репрессивным актам, после которых многие действия власти представителей воспринимаются обществом однозначно негативно.

Специфика разных источников формирования стереотипов общественного сознания свидетельствует о том, что их необходимо привлекать в комплексе. Это позволяет не только определить спектр (или его важную часть) взглядов представителей разных общественных групп (в частности, старообрядцев, творческой интеллигенции, представителей власти и др.), но и дать социальную оценку происшедшего. Уравнителем же этих оценок является наука, которая через реализацию принципа объективности стремится к преодолению индивидуальных и групповых ин-

¹ Разгром старообрядческих скитов в Дубчесе в 1951 г., 2014: Толкователь [Электронный ресурс]. URL: <http://tolk.ru/2014/12/01/разгром-старообрядческих-скитов-в-ду> (дата обращения: 10.04.2021)

тересов. Через реализацию присущей ей функции аналитического сопровождения управления она способна оптимизировать развитие общественных процессов и минимизировать потенциальную конфликтность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Погром Дубчесских обитателей в 1951 г., безусловно, является большой трагедией не только для старообрядцев часовенного согласия, но и для всего общества. По сути, это акт вырубания сохраненного старообрядцами исторического корня российской культуры. Российская Федерация, с точки зрения конфессиональной политики, должна и отличается в лучшую сторону от Российской империи и СССР. Даже если со стороны таежных отшельников допускается какое-либо формальное нарушение правил и закона (как это оценивалось в имперский и особенно в советский период), то управленец должен задаваться вопросом: какова социальная опасность подобных гипотетических нарушений? Очевидно, что таежные монастыри никакой опасности не представляют и представлять не могут. А вот польза от них очевидна. Минимум – это сохранение и развитие социокультурной инфраструктуры на севере Сибири, который в последние десятилетия заметно пустеет. Максимум – это сохранение и развитие одного из духовных центров старообрядчества как важной части фундамента культуры отечественного общества. Поэтому подобные акты вандализма по отношению к людям, сохраняющим ее основы, не должны повторяться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быкова Е.В. Художественный центр староверов-часовенных на Дубчессе: история и современность // Материалы Междунар. науч. конф. «Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения». М.: ИРИ РАН, 2020. С. 328–343.
2. Вурфгарт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. 317 с.

3. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. / под ред. Н.Н. Покровского. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 799 с.
4. Костров А.В. Феномены культуры современных старообрядцев-часовенных Енисейской Сибири. Красноярск: КАСС, 2021. 412 с.
5. Перевозчиков М.С. Староверы. Документы. Письма. Встречи. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1991. 111 с.
6. Покровский Н.Н. За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир, 1991. № 9 (797). С. 77–91.
7. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.
8. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. М.: Инком НВ, 1991. Т. 7. 389 с.
9. Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т. / подг. Н.Н. Покровский, Н.Д. Зольникова, О.Д. Журавель. М.: ЯСК, 2014. Кн. I (Том I–II). 462 с.

REFERENCES

1. Bykova E.V. (2020). Art center of Old Believers-Chapels in Dubchez: history and modernity. *Staroobryadchestvo v istorii i kul'ture Rossii: problemy izucheniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, pp. 328–343. (In Russ.)
2. Vurfgart S.G., Ushakov I.A. (1996). Old Believers. Persons, objects, events and symbols. *Encyclopedic dictionary experience*. Moscow, Tserkov', 317 p. (In Russ.)
3. Pokrovskiy N.N. (Ed.) (1999). Spiritual literature of Old Believers of the East of Russia in the XVIII – XX centuries. *Novosibirsk, Sibirskiy khronograf*, 799 p. (In Russ.)
4. Kostrov A.V. (2021). Cultural phenomena of modern Old Believers-chapels of Yenisei Siberia. *Krasnoyarsk, KASS*, 412 p. (In Russ.)
5. Perevozchikov M.S. (1991). Old Believers. Documentation. Letters. Meetings. *Krasnoyarsk, Krasnoyarskoye knizhnoye izd-vo*, 111 p. (In Russ.)
6. Pokrovskiy N.N. (1991). Behind the page of the "GULAG Archipelago". *Novyy mir*, no. 9 (797), pp. 77–91. (In Russ.)
7. Pokrovskiy N.N., Zol'nikova N.D. (2002). Old Believers-Chapels in the East of Russia in the XVIII–XX centuries: problems of creativity and social consciousness. *Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli*, 2002, 471 p. (In Russ.)
8. Pokrovskiy N.N., Zol'nikova N.D., Zhuravel O.D. (Eds.) (2014). *Ural-Siberian patericon: texts and comments*. Moscow, YaSK, bk. 1, vol. 1/2, 462 p. (In Russ.)
9. Solzhenitsyn A.I. (1991). *GULAG Archipelago. Collected works*. Moscow, Inkomp NV, vol. 7, 389 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.03.2022

Дата рецензирования 10.05.2022

Статья принята к публикации 16.05.2022